

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ю.А. Ростовцева

«НУМА ПОМПИЛИЙ» М.М. ХЕРАСКОВА И «НАКАЗ» ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ: ЛИТЕРАТУРНАЯ УТОПИЯ В СВЕТЕ «ИСТОРИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ»

Аннотация. В центре исследования – утопия М.М. Хераскова «Нума Помпилий, или процветающий Рим» (1768). Произведение рассматривается в контексте законодательной политики Екатерины Великой. В истории романа тема Уложенной комиссии по сочинению проекта Нового Уложения давно стала общим местом. На это указывали как отечественные специалисты в области русской литературы XVIII века (В.В. Сиповский, Г.А. Гуковский, А.В. Западов), так и зарубежные ученые-слависты (С.Л. Баэр). Деятельностью Комиссии 1766-1767 гг. объяснялось не только время издания произведения, идейная его направленность (Л.И. Кулакова), но и в некотором смысле жанровое своеобразие романа (Г.А. Гуковский). Однако, несмотря на традиционность подобного взгляда, влияние основного документа законодательной кампании – «Большого наказа императрицы» – отдельным предметом исследования не становилось. Анализ содержания романа в свете екатерининского «Наказа» (1767) дал возможность пересмотреть устоявшиеся научные взгляды об идейных и жанровых особенностях произведения. Подобный подход позволил «прочитать» текст Хераскова как панегирик законотворческим инициативам Екатерины, увидеть его место в государственной мифологии эпохи просвещенного абсолютизма.

Ключевые слова: Просвещенный абсолютизм, М.М. Херасков, Екатерина II, Новое Уложение, законодательная политика, «Наказ», Большая комиссия, утопия, политический роман, государственный миф.

«Наказ» Екатерины II или «Большой наказ императрицы» давно является объектом изучения исторических и юридических наук. Для филологии этот документ, как кажется, не представляет такого большого значения, как для других областей гуманитарного знания. Между тем, он оказал огромное влияние на содержание целого ряда произведений отечественной словесности. По словам А.С. Архангельского, «новый период русской литературы открывается «Наказом», который может служить как бы эпиграфом ко всему последующему течению нашей литературы XVIII века...»¹. В книге «Литературные направления в Екатерининскую эпоху» А.И. Незеленова текст закона рассматривается как «не самобытное произведение», произведшее сильное впечатление на современников, как в России,

так и за границей².

Как отметил американский исследователь С.Л. Баэр, именно созыв Комиссии по составлению Нового уложения и последующее издание «Наказа» стали причиной того, что большая часть российских писателей изображала благозаконие (эвномию) в качестве залога хорошей жизни: «более, чем когда-либо в русской истории, правительство подает писателям идеи для их утопий»³. Не случайно первое произведение подобного жанра написано лишь спустя два года после публикации знаменитого «Наказа», связано с образом философа и законодателя на троне и посвящено Екатерине II. Речь

¹ Архангельский А. С. Императрица Екатерина II в истории русской литературы и образования. Казань, 1897. С. 8.

² Незеленов А.И. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889. С. 86.

³ Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. P. 120-121.

идет о «государственном романе» М.М. Хераскова «Нума Помпилий или процветающий Рим» (1768).

Роль «Наказа» в истории создания произведения специалистами отмечалась неоднократно. Классическим примером является вступительная статья А.В. Западова к изданию сочинений Хераскова серии «Библиотека поэта» (1961). «В годы, предшествовавшие крестьянской войне, когда в русском обществе вопросы дальнейшего социально-экономического развития России стали предметом обсуждения и начала заседать Комиссия о сочинении Нового уложения, Херасков также подал свой голос. В 1768 году он опубликовал повесть “Нума Помпилий”⁴. В более краткой форме та же мысль отражена в первом томе «Истории русской литературы» под редакцией Ю.В. Стенник и В.П. Степанова⁵.

Нередко на основании хронологической последовательности (созыв Комиссии – издание «Наказа» – публикация произведения) делались выводы и об идейном своеобразии романа. Согласно Л.И. Кулаковой, пафос произведения обусловлен подъемом дворянской общественности в связи с событиями екатерининской Комиссии.

«Нума Помпилий» написан в 1768 г., во время деятельности Комиссии по составлению нового уложения, и отражает требования автора, захваченного временным подъемом дворянской общественности. Херасков говорит о необходимости искоренения лихоимства, ябеды, притеснения народа, настаивает на введении твердого законодательства, требует широкого народного просвещения, воспитания подданных⁶.

В книге «Утопия в России» французских филологов-славистов Л. Геллера, М. Нике роман назван сочинением, отражающим связь «эвномии» и тем, что можно было бы назвать “эвпедией” (благовоспитанием)⁷. Обе эти концепции государственного управления были отражены в Инструкции для составления проекта Нового Уложения.

Несколько более подробно особенности рецепции «Наказа» в тексте Хераскова представлены

к книге Баэра «Миф о рае в России XVIII века. Утопические модели в русской светской литературе и культуре». По словам ученого, оценивая положительно правление римского царя, писатель тем самым прозрачно указывает на Екатерину и ее Комиссию по составлению Нового уложения. Вместе с тем, отсылая к словам «Наказа»: «истинное блаженство человеческого рода от благоразумных законов проистекает», он настаивает на «претворении этих законов в жизнь»⁸. Аналогичное наблюдение присутствует и в работе Т.В. Артемьевой «Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова»⁹.

Как можно заметить, за исключением указания на исторический контекст (публикация «Наказа» – издание «Нумы Помпилия») и типологию образов (законодатель – философ на троне), связи между утопией и «Наказом» Екатерины Второй гуманитарной наукой не рассматривались. Тем не менее, эти связи присутствуют не только на уровне идей и мотивов, но и в виде текстологических заимствований и прямых отсылок к документам, изданным в связи с созывом Комиссии. Это, в первую очередь, «Генерал-Прокурорский Наказ», а также Именной указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения». Представляется, что проблема, поставленная таким образом, позволит существенно скорректировать имеющиеся научные результаты, даст возможность увидеть в новом свете те культурно-исторические подтексты, которые легли в основу художественного произведения.

Как было отмечено, законодательная кампания 1766-1768 гг. послужила поводом для создания «Нумы Помпилия», в то время как «Наказ» дал Хераскову основные темы для его политического романа. Среди сочинений Хераскова «Нума Помпилий или процветающий Рим» – одно из самых значительных сочинений утопического рода¹⁰. Как это

⁴ Херасков М.М. Избр. произв. / Вступ. ст. и подгот. текста и примеч. А.В. Западова. М.-Л.: Советский писатель, 1961. С. 23.

⁵ Стенник Ю.В. А.П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II // XVIII век. Сб. 24. М., 2006. С. 136.

⁶ Кулакова Л.И. Херасков // История русской литературы. Т. IV. Литература XVIII века. Ч. II. М.-Л., 1947. С. 328.

⁷ Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. С. 58.

⁸ Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. P. 123-124.

⁹ Артемьева Т.В. Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова // Философский век. Альманах 12. Российская утопия. От идеального государства к совершенному обществу. Материалы Международной Летней школы по истории идей 9-30 июля 2000 г. СПб., 2000. С. 25.

¹⁰ Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 77.

принято в литературоведении, вид художественного произведения нередко определяется его идейной направленностью и, наоборот, идея повествования может быть подчинена узким границам жанра. Нередко под идеей понимается более или менее четко выраженная позиция автора. Между тем, к роману Хераскова это правило применить нельзя. В противном случае, результат окажется противоречивым. Последнее можно было бы сказать об исследовании Г.А. Гуковского по истории русской литературе XVIII века. Как отмечает ученый, «книга Хераскова – это утопия, в которой он изложил в несколько завуалированном виде свои государственные идеалы. Его свободомысле было умеренно, и, тем не менее, он обставил свое выступление рядом защитных оговорок и литературных прикрытий»¹¹. Несмотря на ценные наблюдения, с автором можно согласиться лишь отчасти. К сожалению, для аргументации ученый выбирал далеко не всегда подходящие примеры из текста. Так, мнение Гуковского о том, что история о Нуме – «утопия, мечта», якобы принадлежит Хераскову и основано на выводе, помещенном в конце «книги». В действительности, эти слова взяты даже не из «конца книги» – послесловия, или заключительной XII главы, а из главы XI-й. Тем более, спорна их принадлежность самому писателю. Личность Хераскова как раз более отчетливо выступает в фигуре «издателя», а не «автора» книги. В этом, по словам И.А. Калинина, писатель «следует условно-жанровому канону утопии и выступает исключительно как издатель рукописи»¹². Последний появляется в «повести» дважды: в Предисловии и в заключительной, стихотворной части произведения. Из «Предисловия» очевидно, что «сочинитель книги не известен», и, следовательно, не ясно, является ли он современником «издателя». Единственное связующее звено между образом императрицы и автором как лирическим героем – это издатель, благодаря которому екатерининское царствование и правление Нумы могут рассматриваться в одной плоскости. Характерно и то, что издатель склонен оценивать деятельность Екатерины исключительно в положительном ключе.

«...должно признаться, что ежели бы все такая расположения души имели, какия имел Сочинитель

¹¹ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 168.

¹² Калинин И.А. Русская литературная утопия XVIII-XX вв.: Проблемы поэтики и философии жанра: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 45.

сей книги: тогда бы человеческий род не несчастлив был; ибо истина, добродетель и правосудие торжествовали бы на земли. **Оне торжествуют в России.** Небо! Продли сие благо!»¹³.

Тот же панегирический тон присутствует и в части «От издателя», в которой о Екатерине говорится: «Россия милует, покоит, просвещает; / То пишет им в закон, что истина вещает»¹⁴.

Следует отметить, что панегирический тон отличает не только роман «Нума Помпилий», но и более ранние его произведения. Известно, что писателем были сочинены объяснительные стихи к программе маскарада «Торжествующая Минерва», который был поставлен в начале 1763 года по случаю коронации Екатерины II. В заключительном действе Хор возглашал:

Ликовствуйте днесь,
Ликовствуйте здесь,
Воздух, и земля, и воды
Веселитесь народы.
**Матерь ваша Россы вам,
Затворила Яна храм**¹⁵

Сравнение с периодом расцвета Римской империи присутствует и в заключительной части утопии Хераскова.

«да пошлют [праведные боги – Ю.Р.], на Престолы подобных Нуме Государей для славы, спокойствия и благосостояния человеческого рода... Янов храм во дни его царствования был всегда затворен. Рим долго потом не видал такого златого времени, каким при Нуме наслаждался»¹⁶.

Используя тот же исторический сюжет, автор не просто сравнивает деяния Екатерины и римского философа, но, очевидно, превозносит первую и, прежде всего, как законодательницу. Если Нуме для создания премудрых установлений была необходима посвященная в тайны мироздания советница нимфа Эгера, – российская императрица не только не нуждается в советниках («Не нужны Нимфы Ей, не нужны чудеса»), но сама знает истину, на основании которой пишет свои законы. Из этого можно заключить, что Херасков склонен ви-

¹³ Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С. VIII.

¹⁴ Там же. С. 164.

¹⁵ Торжествующая Минерва // Москвитянин. Кн. 1. № 19. М., 1850. С. 128.

¹⁶ Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С. 161–162.

деть в современной ему России торжество правосудия и добродетели.

Для «сочинителя» его книга является «утопией». Однако «издатель» называет произведение «повестью», используя историю о царе римском как случай прославить мудрое правление самодержицы. Таким образом, попытки увидеть в произведении исключительно «красноречивую проповедь по адресу Екатерины о том, как должно управлять государством» являются слишком натянутыми¹⁷. Гораздо более правдоподобно в данном случае выглядит утверждение Веры Проскуриной, рассматривающей роман как о повествование «о мудром и добром царе-философе Нуме, своего рода аллегорической проекции идеализированной Екатерины, автора только что изданного “Наказа”¹⁸. В начале XX века о том же писал В.В. Сиповский: «Рим неустроенный, о котором говорится в романе Хераскова – это Россия до Екатерины»¹⁹.

Однако исследователи усматривают в романе и критику законодательной политики просвещенного абсолютизма. Как отмечал Баэр, в произведении есть скрытое наставление императрице в связи с ее знаменитым «Наказом»²⁰.

«Истинное блаженство человеческого рода от благоразумных законов проистекает. Но законы суть одно начертание, на котором счастье и благополучие общества утверждается; они требуют исполнения, а исполнение зависит от людей просвещенных и добродетельных; ибо законы сами собою действовать не могут»²¹.

По предположению Артемьевой в данном случае писатель «имел в виду опыт Екатерины и ее “Наказа” провозглашенного, но не реализованного»²².

Однако с этим можно согласиться лишь отчасти. Общеизвестно, что 1768 год, которым датируется издание романа был ознаменован началом Русско-Турецкой войны. «Комиссия Уложения», быв в собрании, подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно. Она все части закона собрала и разобрала по материалам, и более того бы сделала, ежели бы Турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поехали в армию», – писала Екатерина в «Памятной заметке о “Наказе”»²³. Несмотря на то, что объявление войны было 25 сентября по старому стилю, депутатские собрания закончились «обсуждением законов о поместьях и вотчинах» лишь в декабре 1768 года²⁴. Наряду с этой, официальной версией прекращения деятельности Комиссии, существует и другая, более распространенная, согласно которой «собрание законодателей оказалось неуправляемым, а поэтому негодным, было распущено в 1768 под предлогом войны с Турцией (здесь и далее курсив мой – Ю.Р.)»²⁵. Последняя точка зрения закрепились в науке, прежде всего, потому, что после заключения Кючук-Кайнарджийского мира Комиссия так и не возобновила свою работу. Но в данном случае важно другое. В 1768 году «Наказ» как документ либеральной направленности вряд ли мог составить предмет общественной критики. Напротив, отзывы узкого круга лиц, которым Екатерина доверила чтение своей рукописи, были связаны как раз с излишним абстрактным гуманизмом законопроекта. Как отметил Ю.В. Стенник, нетерпимость А.П. Сумарокова, который написал свои замечания, «проявилась наиболее отчетливо в его реакции на те пункты “Наказа”, где императрица очень осторожно и уклончиво пыталась затронуть вопросы положения закрепощенного крестьянства и облегчения его участи»²⁶. Любопытно отметить, что в качестве аргументации Екатерина использовала исторические примеры юридических норм отношения к рабам в Древнем Риме.

¹⁷ Сиповский В.В. История русской словесности (История литературы с эпохи Петра до Пушкина). Ч. II. СПб., 1908. С. 130.

¹⁸ Проскурина В. Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй // НЛО. 2005. № 72. С. 116.

¹⁹ Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 1. (XVIII век). СПб., 1909. С. 124.

²⁰ Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. P. 123-124.

²¹ Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С. 135.

²² Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетея, 2005. С. 383.

²³ Екатерина II. О величии России. М.: Директ-Наука, 2010. С. 95.

²⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. XXVII. СПб., 1851-1879. стлб. 352.

²⁵ Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический словарь – справочник: В 2-х кн. Кн. 1. А – К. М.: АСТ-ЛТД, 1997. С. 289.

²⁶ Стенник Ю.В., Степанов В.П. Литературно-общественное движение конца 1760-х – 1780-х годов // История русской литературы: В IV тт. Т. I. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 136.

«Один из кесарей Римских узаконил рабам, оставленным во время их болезни от господ своих, быть свободными, когда выздоровеют. Сей закон утверждал рабам свободу; но надлежало бы еще утвердить законом и сохранение их жизни»²⁷.

«В последние времена был подобный закон и в Риме: господин, раздраженный противу своего раба, и раб, огорченный против господина своего, должны быть друг от друга разлучены. Сей закон служил к безопасности хозяина и раба»²⁸.

Именно эти, проникнутые гуманизмом фрагменты текста, были удалены в процессе депутатских прений и «остался Наказ Уложения яко напечатан»²⁹. Как отмечал Карл Манхейм, порожденные политической сферой гуманистические идеи Нового времени распространялись на все области культурной жизни³⁰. Связь идеологии и утопии, которая отличает словесность «золотого века» не оставляет сомнений и в программности «Нумы». Сложно сказать, имел ли отношение созданный Херасковым образ «процветающего Рима» с его отсутствием сословных предрассудков к первоначальной редакции «Наказа»? С большей уверенностью следует, вероятно, отметить то зависимое положение, в котором находился писатель от верховной власти. В июле 1763 года он получает место директора Московского университета, которое занимает в течение семи лет³¹. Однако, не имея такого веса, как, например, куратор, или ректор, Херасков к тому же не пользуется уважением среди коллег. Известно, что после 1863 года, когда императрица поручила начальству заведения сочинить «точному Императорского Московского университета положению и содержанию штат» директор, несмотря на свои полномочия, был отстранен профессорским составом МГУ от участия в составлении этого проекта³². Полагаю, что в такой ситуации критиковать императрицу было достаточно трудно.

В свете рецепции Уложенной комиссии необходимо упомянуть о таком сочинении утопического

рода, как «Письма с Сатурна», которые были написаны неизвестным автором N.N. в 1772 году. Филологической наукой оно практически не изучено. Есть краткая статья Б.А. Галь, сопровождающая публикацию «Писем» в Днепропетровском историко-археологическом сборнике. Более пространный анализ содержится в упомянутой монографии Баэра, однако за редким исключением он представляет собой простой пересказ произведения. К тому же историко-культурный контекст Комиссии исследователь широко не рассматривает, ограничиваясь простым указанием на присутствие характерных отсылок в тексте. Главная идея, таким образом, преподносится в связи желанием автора вызвать у соотечественников патриотизм в период первой русско-турецкой войны»³³. Вместе с тем, историко-культурная значимость «Писем» отражает настроение общественности в связи с событиями 1766-1768 гг.

«Ныне...управляет жена, которая по своей премудрости не только почтена своими подданными, но и всеми людьми, умеющими разбирать достоинство. Сия старается довершить начатое упоминаемым их Царем (Петром I – Ю.Р.): она знает, что блаженство народа состоит в чистейших законах»³⁴.

Вряд ли переданное здесь восприятие первых лет правления императрицы является художественным преувеличением. Подобную точку зрения отражает и статья В.И. Сергеевича «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?» (1878)³⁵. Уникальность «Писем» как исторического источника, между тем, заключается, в том, что написанные в период войны с Османской империей, они изображают работу по составлению Нового Уложения как действие длящееся, или прекращенное на время.

«...собрала своих подданных, и руководствуя оными, повелела им самим для себя сделать **Законы**; она для довершения народного просвещения ничего не жалеет»³⁶.

²⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. XXVII. СПб., 1851-1879. Стлб. 345.

²⁸ Там же. Стлб. 346.

²⁹ Екатерина II. О величии России. М.: Директ-Наука, 2010. С. 95.

³⁰ Манхейм К. Идеология и утопия. М.: ИНИОН, 1992. С. 186.

³¹ Сиповский В.В. Херасков // Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцева. Т. XXV. СПб., 1901. С. 311.

³² Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. С. 72.

³³ Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. P. 119.

³⁴ Письмо из Сатурна // Днепропетровський історико-археографічний збірник. Вип. 3. Днепропетровськ, 2009. С. 156-157.

³⁵ Сергеевич В.И. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. № I. СПб., 1878. С. 188-264.

³⁶ Письмо из Сатурна // Днепропетровський історико-археографічний збірник. Вип. 3. Днепропетровськ, 2009. С. 156-157.

Следовательно, за два года до заключения мира с Турцией деятельность Комиссии еще не воспринималась современниками как анахронизм. Тем более, спорны попытки увидеть претензию на нереализованность положений «Наказа» в романе Хераскова, датированном 1768 годом.

В этой связи, пожалуй, гораздо более убедительно выглядит точка зрения Калинина, согласно которой «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» Хераскова «на уровне прагматики мог прочитываться как панегирическое изображение современной России и одновременно политический наказ Екатерине II в момент работы Комиссии по составлению нового Уложения»³⁷.

Однако если в завуалированном виде элемент политической дидактики присутствует в основном тексте произведения, главной идеей стихотворного послесловия романа, являются прославление Екатерины-законодательницы.

Превыше всех Царей, Законодатель *Петр!*
Трудится, бодрствует, Россию оживляет,
И новы небеса, и новый мир являет; <...>
Почтенья к тем святым словам я ввек не рушу:
Петр Россам дал тела, Екатерина душу³⁸ ...

После публикации романа последние слова приобрели большую известность, стали чем-то вроде символа «золотого века». Не менее популярным после издания «Нумы» стало выражение: «Истинное блаженство человеческого рода от благоразумных законов проистекает». Баэр склонен приписывать авторство этих строк самому писателю³⁹. На мой взгляд, это не совсем верно. Несмотря на свою афористичность, выражение не представляется оригинальным. Оно, скорее, является парафразом надписи, сделанной на депутатских медалях в связи с созывом Комиссии о составлении нового Уложения: «Блаженство каждого и всех». Любопытно, насколько большое сходство в понимании заявленной идеи обнаруживает тот и другой автор. Утверждение сословного неравенства в «Наказе» разрушало провозглашенную до этого концепцию всеобщего

блага⁴⁰. То же несоответствие словесной формы и содержания имело место в романе Хераскова. Наставляя будущего правителя, мудрая Нимфа обращается к нему со словами: «...храни нас ради себя собственно, храни себя ради общей пользы; храни целостность государства ради твоей славы и нашего блага»⁴¹. Таким образом, абсолютная власть монарха ограничивалась лишь его добродетелью. По словам В.И. Морякова, используя естественно-правовую теорию французских просветителей, Херасков делал упор на первой ее части («монарха избирает народ») и отбрасывал напрочь идею народного суверенитета⁴². Последнее наблюдение справедливо и в отношении политической доктрины «Наказа».

Между тем, «не самобытное произведение» Екатерины и сочинение Хераскова обнаруживают различие в понимании их авторами государственных основ. По словам императрицы, устои страны напрямую связаны с незыблемостью «начальных оснований», под которыми подразумевается монархический образ правления. Одна из статей документа так и озаглавлена: «Как можно узнать, что государство приближается к падению и конечному своему разрушению?».

«Начальное основание правления...повреждается, когда вкоренится умствование равенства до самой крайности дошедшаго, и когда всяк хочет быть равным тому, который законом учрежден быть над ним начальником»⁴³.

Несколько иначе тема нерушимости государственных установлений представлена в романе Хераскова. По мнению «сочинителя» утопии, спокойствие и благоденствие граждан напрямую связано с тем, насколько достойного человека они выбрали себе в правители и народные судьи.

«Блаженно то общество, которое незатворенными очами избирает Правителя своей воли; которое очами избирает Правителя своей воли; которое

⁴⁰ Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века: из истории общественно-политической мысли России. М., 1994. С. 89.

⁴¹ Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С. 35.

⁴² Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века: из истории общественно-политической мысли России. М., 1994. С. 61.

⁴³ Наказ ея императорского величества Екатерины Вторыя самодержицы Всероссийския, данный комиссии о сочинении Нового уложения. СПб.: Императорская Академия Наук, 1770. С. 327-328.

³⁷ Калинин И. Слепота и прозрение. Риторика истории России и «Риторика темпоральности» Поля де Мана // НЛЮ. 2003. № 59. С. 256.

³⁸ Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С. 165.

³⁹ Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. P. 121.

находит человека достойного быть судьей народным, и управлять вождями царства по правилам мудраго отца! **В противном случае все придет в замешательство, все погибнет и в развалины превратится**»⁴⁴.

Но и в этом случае скрытый дидактизм автора следует интерпретировать в качестве похвалы императрице, а не упрека в ее адрес. Не лишне отметить, что издание романа сопровождалось рисунком А. Перельовкина, изображающего то, как Нуму уговаривают стать царем. Иллюстрация имела характерную надпись: «Добродетели твои делают тебя царем римским». Как показала В. Проскурина, «избрание царя “по заслугам” соотносилось с распространенной в одах того времени мифологией восшествия на престол Екатерины»⁴⁵.

Следовательно, можно говорить о некоей положительной градации персонажей: «сочинитель» книги прославляет верховную власть философа на троне Нумы, «издатель» с помощью образа римского царя превозносит мудрое правление Екатерины II. *Locus communes* является образ монарха, стремящегося осчастливить народ. В романе нимфа Эгера советует будущему правителю не искать «другой пользы, кроме той, чтобы людей всех вообще сделать счастливыми»⁴⁶. Те же слова были поставлены во главу угла Именного указа, данного Сенату «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения».

«...Наше первое желание есть видети Наш народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться»⁴⁷

По словам нуминой наставницы, сделать людей счастливыми можно не иначе, как отняв у них «все вредные предрассудки и злоупотребления»⁴⁸.

Воспитательное значение закона было заявлено и в документах Комиссии по составлению Нового уложения. Екатерина II заявляет: «Одним словом, вся Наука законов состоит в обращении людей к добру, в препятствии и уменьшении зла...» – отмечено в «Генерал-Прокурорском Наказе при Комиссии о составлении проекта Нового уложения»⁴⁹. Между наставлениями нимфы и положениями монархини существуют и более очевидные сходства. В обоих случаях огромное место отводится предварительному приготовлению умов к познанию истины. «Ни ясное толкование законов, ни видимая польза, ни общее спокойствие не соделают их [людей – Ю.Р.] лучшими, **ежели умы их не будут приуготовлены к познанию истины**»⁵⁰. Та же концепция была положена в основу екатерининского «Наказа», который, как известно, силы действующего закона никогда не имел. Так, 58 статья документа гласит: «для введения лучших законов необходимо потребно, **умы людские к тому приуготовить**»⁵¹.

Особенность русского Просвещения в том, что в нем практически отсутствовал момент критики самодержавия⁵². Преимущественно панегирический характер имела литература первых лет царствования Екатерины. Необычный восторг вызвала Комиссия по составлению Нового Уложения, по случаю которой произведения искусства изображали императрицу в обществе законодателей классической древности – Ликурга и Нумы. В такой компании Екатерина «приобретала сакральность основателя и творца»⁵³. Вместе с тем, уподобление самодержавия великим законодателям древности имело не только образную, но и документально-историческую основу. Как показал А.Г. Брикнер, в черновом варианте «Наказа» были характерные отсылки к

⁴⁴ Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С. 36.

⁴⁵ Проскурина В. Петербургский миф и политика мунументов: Петр Первый Екатерине Второй // НЛО. 2005. № 72. С. 116.

⁴⁶ Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С. 45.

⁴⁷ Именной указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов // Томсинов В.А. Законодательство императора Петра III: 1761-1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762-1782 годы. М.: Зерцало, 2011. С. 68.

⁴⁸ Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С. 45.

⁴⁹ Генерал-Прокурорский Наказ при Комиссии о составлении проекта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XVIII. СПб., 1890. Стлб. 283.

⁵⁰ Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. С. 42.

⁵¹ Наказ ея императорского величества Екатерины Вторыя самодержицы Всероссийския, данный комиссии о сочинении Нового уложения. СПб.: Императорская Академия Наук, 1770. С. 30.

⁵² Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 423.

⁵³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. Вып. 8. М., 2002. С. 171.

Пятикнижию Моисея. «Могут еще законы определить уреченное время службы: в законе Моисеевом ограничена на шесть лет служба рабов. Можно *также* (курсив мой – Ю.Р.) установить, что на волю отпущенного человека уже более не крепить никому...»⁵⁴. В процессе редакторской правки этот фрагмент был удален. Приведенный пример, однако, иллюстрирует то, насколько российская эвномия находилась в русле концепций западной полицейстики – науки управления государством. Согласно знаменитой энциклопедии Дидро и д'Аламбера первым народом земли, у которого появилась *полиция*, были евреи, в доказательство чему приводится перечень законов

по тексту Библии⁵⁵. Так складывалась концепция непреложности, священности государственных установлений. Просветительский взгляд на трансцендентную природу законодательного текста нашел отражение и в утопии «Нума Помпилий». Стихотворное послесловие содержало популярную идеологическую установку: через екатерининские законы вещает истина. Используя элементы имперской идеологии «Наказа» с его возвышенными сентенциями о стремлении к общему благу, Херасков стал автором программного текста эпохи – утопического романа, прославляющего деятельность просвещенного монарха на троне.

Список литературы:

1. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 165 с.
2. Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
3. Артемьева Т.В. Софиократические идеалы и эпистемологические утопии Михаила Хераскова // Философский век. Альманах 12. Российская утопия. От идеального государства к совершенному обществу. Материалы Международной Летней школы по истории идей 9-30 июля 2000 г. СПб., 2000. С. 13-47.
4. Архангельский А.С. Императрица Екатерина II в истории русской литературы и образования. Казань, 1897. 91 с.
5. Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Екатерины Второй. М., 2007. 800 с.
6. Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб.: Гиперион, 2003. 310 с.
7. Генерал-Прокурорский. Наказ при Комиссии о составлении проекта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XVIII. СПб., 1890. С. 283-283.
8. Гукковский Г.А. Русская литература XVIII века. М.: Аспект-Пресс, 1999. 452 с.
9. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. 414 с.
10. Екатерина II. О величии России. М.: Директ-Медиа, 2010. 96 с.
11. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
12. Именной указ «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов // Томсинов В.А. Законодательство императора Петра III: 1761-1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762-1782 годы. М.: Зерцало, 2011. С. 68-92.
13. Калинин И.А. Русская литературная утопия XVIII-XX вв.: Проблемы поэтики и философии жанра: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 247 с.
14. Калинин И. Слепота и прозрение. Риторика истории России и «Риторика темпоральности» Поля де Мана // НЛО. 2003. № 59. С. 250-273.
15. Кулакова Л.И. Херасков // История русской литературы. Т. IV. Литература XVIII века. Ч. II. М.-Л, 1947. С. 320-341.
16. Манхейм К. Идеология и утопия. М.: ИНИОН, 1992. 245 с.
17. Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века: из истории общественно-политической мысли России. М., 1994. 216 с.
18. Наказ ея императорского величества Екатерины Вторья самодержицы Всероссийския, данный комиссии о сочинении Нового уложения. СПб.: Императорская Академия Наук, 1770. 402 с.
19. Незеленов А.И. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889. 395 с.
20. Письмо из Сатурна // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Вип. 3. Дніпропетровськ, 2009. С. 157-160.
21. Проскурина В. Петербургский миф и политика монументов: Петр Первый Екатерине Второй // НЛО. 2005. № 72. С. 103-132.
22. Сергеевич В.И. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. № I. СПб., 1878. С. 188-264.
23. Сиповский В.В. История русской словесности (История литературы с эпохи Петра до Пушкина). Ч. II. СПб., 1908. 340 с.

⁵⁴ Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Екатерины Второй. М., 2007. С. 546.

⁵⁵ Encyclopedie ou Dictionnaire universel raisonne des sciences, des arts et des metiers, par une societe de gens de letters, 1751–1772. Vol. 12. Denis Diderot et Jean le Rond d'Alembert. Paris, 1765. P. 905.

24. Сиповский В.В. Херасков // Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцева. Т. XXV. СПб., 1901. С. 309-318.
25. Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 1. (XVIII век). СПб., 1909. 715 с.
26. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. XXVII. СПб., 1851-1879. 1178 стлб.
27. Стенник Ю.В. А.П. Сумароков – критик «Наказа» Екатерины II // XVIII век. Сб. 24. М., 2006. С. 125-143.
28. Стенник Ю.В., Степанов В.П. Литературно-общественное движение конца 1760-х – 1780-х годов // История русской литературы: В IV тт. Т. I. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 620.
29. Торжествующая Минерва // Москвитянин. Кн. 1. № 19. М., 1850. С. 109-128.
30. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. VIII). Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
31. Херасков М.М. Нума Помпилий, или процветающий Рим. М., 1803. 178 с.
32. Херасков М.М. Избранные произведения / Вступ. статья и подготовка текста и примечаний А.В. Западова. М.-Л.: Советский писатель, 1961. 127 с.
33. Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический словарь – справочник: В 2-х кн. Кн. 1. А – К. М.: АСТ-ЛТД, 1997. 448 с.
34. Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. 308 p.
35. Encyclopedie ou Dictionnaire universel raisonne des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de letters, 1751–1772. Vol. 12. Denis Diderot et Jean le Rond d'Alembert. Paris, 1765. 965 p.

References (transliteration):

1. Andreev A.Yu. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy. M.: Znack, 2009. 165 s.
2. Artem'eva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu: Filosofiya istorii i utopiya v Rossii epokhi Prosveshcheniya. SPb.: Aleteiya, 2005. 496 s.
3. Artem'eva T.V. Sofiokraticheskie idealy i epistemologicheskie utopii Mikhaila Kheraskova // Filosofskii vek. Al'manakh 12. Rossiiskaya utopiya. Ot ideal'nogo gosudarstva k sovershennomu obshchestvu. Materialy Mezhdunarodnoi Letnei shkoly po istorii idei 9-30 iyulya 2000 g. SPb., 2000. S. 13-47.
4. Arkhangel'skii A.S. Imperatritsa Ekaterina II v istorii russkoj literatury i obrazovaniya. Kazan', 1897. 91 s.
5. Brikner A.G. Illyustrirovannaya istoriya Ekateriny Vtoroi. M., 2007. 800 s.
6. Geller L., Nike M. Utopiya v Rossii. SPb.: Giperion, 2003. 310 s.
7. General-Prokurorskii. Nakaz pri Komissii o sostavlenii proekta novogo Ulozheniya, po kotoromu i Marshalu postupat' // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda. T. XVIII. SPb., 1890. S. 283-283.
8. Gukovskii G.A. Russkaya literatura XVIII veka. M.: Aspekt-Press, 1999. 452 s.
9. Egorov B.F. Rossiiskie utopii: Istoricheskii putevoditel'. SPb., 2007. 414 s.
10. Ekaterina II. O velichii Rossii. M.: Direkt-Media, 2010. 96 s.
11. Zhivov V.M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 590 s.
12. Imennoi ukaz «Ob uchrezhdenii v Moskve Komissii dlya sochineniya proekta novogo Ulozheniya i o vybore v onuyu deputatov // Tomsinov V.A. Zakonodatel'stvo imperatora Petra III: 1761-1762 gody. Zakonodatel'stvo imperatritsy Ekateriny II: 1762-1782 gody. M.: Zertsalo, 2011. S. 68-92.
13. Kalinin I.A. Russkaya literaturnaya utopiya XVIII-XX vv.: Problemy poetiki i filosofii zhanra: Diss. ... kand. filol. nauk. SPb., 2002. 247 s.
14. Kalinin I. Slepota i prozrenie. Ritorika istorii Rossii i «Ritorika temporal'nosti» Polya de Mana // NLO. 2003. № 59. S. 250-273.
15. Kulakova L.I. Kheraskov // Istoriya russkoj literatury. T. IV. Literatura XVIII veka. Ch. II. M.-L., 1947. S. 320-341.
16. Mankheim K. Ideologiya i utopiya. M.: INION, 1992. 245 s.
17. Moryakov V.I. Russkoe prosvetitel'stvo vtoroi poloviny XVIII veka: iz istorii obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii. M., 1994. 216 s.
18. Nakaz eya imperatorskogo velichestva Ekateriny Vtoroyy samoderzhitsy Vserossiiskiya, dannyi komissii o sochinenii Novogo ulozheniya. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1770. 402 s.
19. Nezelenov A.I. Literaturnye napravleniya v Ekaterininskuyu epokhu. SPb., 1889. 395 s.
20. Pis'mo iz Saturna // Dnipropetrovs'kii istoriko-arkheografichnii zbornik. Vip. 3. Dnipropetrovs'k, 2009. S. 157-160.
21. Proskurina V. Peterburgskii mif i politika monumentov: Petr Pervyi Ekaterine Vtoroi // NLO. 2005. № 72. S. 103-132.
22. Sergeevich V.I. Otkuda neudachi Ekaterininskoi zakonodatel'noi komissii? // Vestnik Evropy. № I. SPb., 1878. S. 188-264.
23. Sipoovskii V.V. Istoriya russkoj slovesnosti (Istoriya literatury s epokhi Petra do Pushkina). Ch. II. SPb., 1908. 340 s.
24. Sipoovskii V.V. Kheraskov // Russkii biograficheskii slovar' / Pod red. A.A. Polovtseva. T. XXV. SPb., 1901. S. 309-318.
25. Sipoovskii V.V. Ocherki iz istorii russkogo romana. T. I. Vyp. 1. (XVIII vek). SPb., 1909. 715 s.
26. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Kн. IV. Т. XXVII. SPb., 1851-1879. 1178 stlb.
27. Stennik Yu.V. A.P. Sumarokov – kritik «Nakaza» Ekateriny II // XVIII vek. Sb. 24. М., 2006. S. 125-143.
28. Stennik Yu.V., Stepanov V.P. Literaturno-obshchestvennoe dvizhenie kotsa 1760-kh-1780-kh godov // Istoriya russkoj literatury: V IV тт. Т. I. Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka. L.: Nauka, 1980. S. 620.

29. Torzhestvuyushchaya Minerva // Moskvityanin. Kn. 1. № 19. М., 1850. С. 109-128.
30. Uortman R.S. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii rossiiskoi monarkhii. (Materialy i issledovaniya po istorii russkoi kul'tury. Vyp. VIII). Т. I. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. М.: OGI, 2002. 608 s.
31. Kheraskov M.M. Numa Pompilii, ili protsvetayushchii Rim. М., 1803. 178 s.
32. Kheraskov M.M. Izbrannye proizvedeniya. Vstup. stat'ya i podgotovka teksta i primechanii A.V. Zapadova. М.-Л.: Sovetskii pisatel', 1961. 127 s.
33. Shikman A.P. Deyateli otechestvennoi istorii. Biograficheskii slovar' – spravochnik: V 2-kh kn. Kn. 1. А – К. М.: AST-LTD, 1997. 448 s.
34. Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. California: Stanford University Press, 1991. 308 p.
35. Encyclopedie ou Dictionnaire universel raisonne des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de letters, 1751–1772. Vol. 12. Denis Diderot et Jean le Rond d'Alembert. Paris, 1765. 965 p.